

экономии Булгакова, т. е. человека прошедшего самолично через огонь и воду скепсиса. Вообще, Русское Религиозное Возрождение характерно тем, что участники его, в большинстве случаев, были людьми пережившими обращение ко Христу, а не получившими свою веру по наследству.

Хотя политикой Движение не занималось и было всегда «аполитичным», тем не менее социальный вопрос, как входящий частично в религиозную проблематику, конечно интересовал и не мог не интересовать членов религиозного Движения. И об этом много поучительного могли сказать молодым движенцам такие люди, как прошедшие через соблазны марксизма Бердяев, Франк и Булгаков.

13-го июня 1944 г. Движение осиротело. Ушел из временной жизни его незабываемый священно-вдохновитель и пророк. Появилась новая смена движенцев и с нею пришли новые интересы и встали новые практические задачи, но дух Движения, дух религиозной свежести, весенней энергии и пламенной православной веры не оскудеет в Движении до тех пор, пока жива будет в памяти личность и духовное обаяние его вождя.

И если Движению суждено будет иметь какое-то значение для Православной Церкви в будущем (история это покажет), то это будет не без связи с приснопамятным отцом Сергием Булгаковым.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЖИЗНИ

(М. О. Гершензон. «Письма к брату»)

...но помешал Булгаков, который пришел в 9 1/2 ч. Приехал в ажитации специально для того, чтобы посоветоваться насчет того, какую цену поставить на своей книжке. Он написал этой зимой, необыкновенно быстро, книжку в 16 1/2 листов (правда маленьких) о рынках при капиталистической форме производства, начал печатать ее 10 янв. и сегодня подписал уже последний лист. Издает Водовозова, и у них идет борьба великодуший: она хочет заплатить ему 800, и тогда, чтобы у нее не было убытков, за книжку надо назначить 1 р. 25 коп., что непомерно много. Мы целый час считали и пришли к заключению, чтобы он взял только 600 р. и книжку пустил по 1 р. 25 коп. Еще вопрос пропустит ли цензура. ...Булгаков только сейчас ушел, а мне давно пора спать. Его, на-днях, вероятно, утвердят, как преподавателя политич. экон. в техническ. институте.

28 янв. 1897 12 3/4 ночи

Вторн. 7 час. Сейчас получил письмо от Булгакова, письмо, которым я буду гордиться и которое переписываю вам, как лучшую характеристику этого замечательного ума и редкого сердца.

«Дорогой М. О.! Здесь были Калмыкова с Семеновым и мы вместе пытались привлечь к журналу имена многих «славных русских лиц», но почти везде получили нос. Имя одного из славных еврейских лиц — Гершензона — с дозволения последнего отдал для пропечатания и на обложке в качестве сотрудника (рецензента и автора статей). Если, паче чаяния, Вы забрыкаетесь, черкните. — Сейчас уезжаю в Ливны до пятницы. Один брат безнадежен здесь, у другого, кажется, та же болезнь там. Вот что: позондируйте почву у Виноградова, согласится ли он дать свое имя на обложку журнала? Предоставляю все Вашему такту; в случае его благосклонности, обращусь к нему официально от имени Нов. Слова. Предполагается сделать попытку привлечь ряд имен, напр., М. Ковалевского и под. Конечно, эти имена не будут выражать направление, но для большой публики известного сорта они важны. Нужно будет поговорить с Петрушевским и К. Хотя они почти безнадежны в качестве рецензентов или авторов статей

по экономич. истории. — О результатах переговоров с Виногр. которые, пожалуйста, не откладывайте в долгий ящик, черкните мне немедленно.

Про себя и писать не хочется: настолько тошнехонько. Консилиум подтвердил безнадежное состояние этого брата, и я еду домой ангелом смерти за родителями и не знаю, не безнадежен ли и второй брат. Обнимаю Вас. Ваш Булгаков».

А сам едва держится на ногах, лихорадочный румянец на щеках, лихорадочно работает, точно торопясь выразить побольше перед близкой смертью. Пока здоров, но наследственность — алкоголизм и туберкулез.

15 - 20 апреля 1897 г.

...Сейчас приходил Булгаков, принес свои «Рынки»; они вчера выпущены цензурой и за ночь ему сброшюровали 3 экз. — один отдал жене, другой мне, третий Михайловскому. Дрожит, как в лихорадке. У него, кажется, голова кружится от избытка удач. Сегодня обедаю у него.

Воскр. 25 янв. 1898 11 часов утра

Слева направо: Е. И. Булгакова, Сергей Н. Булгаков, отец, брат и мать с детьми С. Булгакова Федором и Марию. Ливны 1904 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ о. СЕРГИЯ БИЛГАКОВА с Л. А. и В. А. ЗАНДЕР

Муж и я встретились с о. Сергием вскоре после его высылки из России и приезда за границу. В начале 1923 г. он прожил некоторое время в Константинополе перед своим переездом в Прагу. Как я жалела впоследствии, что не удалось в то время поговорить с ним о его посещении храма Айя-Софии! О впечатлении своем он написал заметку в своей записной книжке, которая была напечатана в посмертном издании 1946 г. (*) Как и о. Сергей я почувствовала в Айе-Софии нечто "свое" и не раз заходила туда помолиться, когда жила с родителями в Стамбуле. Но о. Сергия я увидела впервые, еще не будучи с ним знакома, в другом храме, св. Николая Чудотворца (в Харбие), разрушенного турками после вступления в город Кемаля (**).

Я состояла в сестричестве, несла дежурства при храме и находилась в нем, когда, быстрыми шагами, вошел в него, не взглянув на меня, незнакомый священник и прошел прямо в алтарь, хотя службы в это время не было. Через некоторое время, он так же быстро вышел, точно погруженный в свои думы. Поразило меня тогда сочетание какой-то открытости его движений и строгости, почти суровости, его лица. Вероятно это мимолетное посещение церкви произошло перед самым его отъездом в Прагу. В это время в Праге уже находился мой будущий муж (о чем я тогда не знала, т. к. встретились мы с ним, после шести лет отсутствия сведений друг о друге, только в конце 1923 г. в Париже), Лев Александрович Зандер, только что тогда приехавший из Дальнего Востока. Он, еще по Петербургу, слышал об С. Н. Булгакове, читал его статьи, вышедшие в России до революции и, встретив его в Праге, сразу же обрел в нем своего духовного руководителя, которому он верно служил всю свою жизнь.

Я же "по настоящему" встретила с о. Сергием на студенческом съезде в Аржероне в июле 1924 г., а 8 августа того же года он меня с Львом Ал. обвенчал в Кламарской церкви, построенной трудами друга о. Сергия, кн. Григория Ник. Трубецкого и настоятелем которой был тогда мой отец, о. Александр Калашников.

Осенью 1925 г. о. Сергей с семьей и мы с мужем обосновались в Париже, где, к тому времени, был создан Богословский Институт. О. Сергей был приглашен занять в нем кафедру богословия в связи с чем, в последующие годы, ему пришлось вынести много несправедливых нападок из-за несогласия с его "теологуменами" инакомыслящих, часто даже не читавших его произведений, а судивших о них только по наслышке. Вскоре в Институте начал преподавать и Л. А. Зандер и на нашей квар-

(*) Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки. (посмертное издание). Предисловие и примечания Л. А. Зандера. ИМКА-Пресс, Париж 1946.

(**) В том же 1923 г. и в том же храме служил в Духов день мой отец (о. Александр Калашников) после своего рукоположения.

тире о. Сергий собирав професорова Института и людей интересующихся богословием для проведения семинаров, посвященных богословским вопросам. Со времени этих встреч и бесед с о. Сергием, стала все более укрепляться наша дружеская и духовная связь с ним. Как мы с мужем, так и мои родители и сестра Наташа избрали отца Сергия нашим духовным отцом, а он, в свою очередь, называл моего отца своим "аввой" и регулярно ездил к нему исповедываться.

Во время нашего трехлетнего пребывания в Прибалтике (где Л. А. Зандер вел миссионерскую работу среди молодежи) и летних каникул мы часто переписывались с о. Сергием и переписка эта длилась почти двадцать лет, до самой смерти о. Сергия в 1944 г. После его кончины мне передали многие, трогательно им сохраненные, письма от нас, кроме тех, носивших духовнический характер, которые мы его просили уничтожить. Также и мы хранили его письма, и теперь, на склоне своих лет, я предполагаю возможным частью этой переписки поделиться с теми, кому дорог образ о. Сергия, скрывавший под, иногда, суровой внешностью, нежную, чуткую и отзывчивую душу. Для этой переписки он жертвовал своим драгоценным временем и называл свою переписку с духовными детьми "эпистолярным богословием".

6/19 - IX - 1928

Дорогая дочерь Валентина!

Были очень тронуты Вашим милым и добрым письмом и благодарю за него. Спасибо Вам за описание Вашего переживания. Вам, вероятно, известно, что мы с Л. А. молились в это время в Успенском приделе. Что мне сказать в ответ на Ваши любящие обо мне мысли? Знаю, что и в грязной луже отражается солнце, внешне тому отражению, которое Вы видите. И скажу, что, во-первых, Вы, вероятно, правы в том, как мало во мне оповства, всяческого, и духовного, но, во-вторых, Вы все же поразили меня тем ведением Отчей Ипостаси, которое Вам дано было в мгновение. Я вообще впервые встречаюсь с религиозным опытом такого типа, и, конечно, стараюсь им назидаться.

Конечно, Отчая Ипостась есть не только Оповство, но и Начало, которое в Себе не открывается (а лишь в Сыне и Духе), оставаясь транспондентным, однако есть Отец, прежде всего Единородного Сына, а затем и всякого блудного сына к нему приходящего. Для меня всегда бывает некоторое торжество при возгласении (перед Отче наш) «небесного Бога Отца» и первых слов молитвы Господней.

о. Сергий Булгаков в Крыму. 1918 г.

Светлая Среда 29 г.

...Те соображения относительно женского служения в отношении к ангельскому я могу принять лишь в том условном и ограниченном смысле, в каком Вы его и сами выражаете, — жена как помощница, ибо не добро быть человеку одному. Для того, кто остается один в человеческом смысле, ангел является выходящим из единства... Впрочем, об этом я достаточно говорю в книге. Я сделал свое дело и теперь уже перехожу к другим мыслям и задачам. До сих пор не чувствую, чтобы книга была особенно замечена, да этого не ждал и не притязал. Но я имею несколько совершенно замечательных по пламенности писем, которые свидетельствуют, как касается их сердец ангельский мир, но и сами эти люди, по своему, тоже замечательные. Ваше письмо я отношу к числу этих ангелогогических документов. Спасибо Вам.

Мы закончили в этом году софилогогический семинар. Не знаю, будет ли он повторяться и продолжаться. Едва ли. Но я не имею оснований быть им недовольным. Были острые вопросы, иногда высказались какие-то искры, вообще чувствовалась пламя

догматической жизни. По нынешним временам за это надо благодарить Бога.

Очень я воодушевлен по обычаю поездкой в Англию на конференцию. Всякий раз у меня от нее вырастают крылья, которые затем куда-то, конечно, исчезают...

Сегодня на прогулке, чрез зеленую сетку ветвей, так прозрачно было присутствие ангелов, эту красоту блудущих и тво-рящих...

29 - XII - 1929

Дорогие мои Валя и Лева,

...В нашей академической жизни все относительно благополучно, но все стало сложнее и труднее, хотя может быть и ближайшие, потому что Владыка несет с собой начало не закона, а благодати, перед которым мы чувствуем себя сморщенными законом... что и это начало «благодати» не в состоянии расплываться. Но, конечно, невозможно учесть, насколько положительного внесит присутствие человека, у которого добра границит, с одной стороны, со святостью, а с другой, с безответственностью. Я лично всегда чувствую себя постыженным первым и нередко испытываемым вторым. На софийные темы долго не приходилось разговаривать, но Владыка иногда заходит на мой имяславский семинар (Владыка ведь имяславец, хотя это и соединяется у него со софиеборством). Семинар состоит в том, что я прочитываю большую часть своей книги об Имени Божиим, причем она оказалась лучше и более подкающейся демонстрированию чем я думал...

8 - VIII - 1933

Дорогая Валя, я еще не поблагодарил тебя за твои приветственные строки ко дню преп. Сергия...

...У меня такое чувство, что он — наш, нашего духа. Может быть, это духовное самонение, может быть некое мерить великих святых нашим аршином, но ведь и делаем это непрестанно. Но незвольно хочется, во имя христианской свободы и культуры... верить, что все, о чем мы мечтаем, думаем, делаем, имеем на себе чужего духа... и его послушание было самоотвергающеюся любовью и забота, а его созерцание — Св. Троица и София-Премудрость

Божия. Нужно это расслышать через века и ощутить тот источник вдохновения, которым жила от него вся Сергиевская эпоха. Из твоего письма, как всегда, звучит чистая и кроткая музыка любви и вдохновенности.

Твое видение Страшного Суда замечательно своей детскостью, без которой не войти в Царство Божие: «...перекрестила девочку и пошла...» У меня нет такой светлой наивности (когда-то я имел атокалпигический сон о конце мира, когда светила опустились над головами как... лампы, но помню самое чувство). Конечно, имею, хотя и немоющее, чувство страха Страшного Суда, стыда пред Господом и всеми людьми и больше всего от недостатка любви, грехов делания и — особенно почему-то — неделания: все стаянут пред глазами кого мы должны были возлюбить и не возлюбили... Это как «предварительный суд» по смерти и даже самый час смертный. А вот эсхатологический Страшный Суд — он уходит все дальше и глубже — в область духовных символов...

Я здесь живу среди зеленых шатров, лугов и полей, наслаждаюсь и восстанавливаюсь. Совестно, что как будто тулею и вне жизни, в глубине реки, но вместе и собираюсь с мыслями и, если позволено так выразиться, духовно начинаю, хотя и дается это все труднее и скучнее «я это прочее лето живота». Преданью созерцаньям о Духе Святом среди природы, которая есть Его царство.

...Через две недели возвращаюсь в Париж и кажется, что уже давно-давно провет в отрыве от жизни под зеленой кучей... Конечно, такое уединение дает место для молитвенного сосредоточения. Но с ним фактически спорит богословское напряжение, которое тоже принадлежит к богословию. Так и барахтаюсь, как и всегда, между двумя центрами, которые, конечно, суть один, но он в такой глубине, что не опутиться...

Дорогие В. и Л.

2-VII-1935

...Конференция Fellowship (*) была трудна... Но вдруг совершилось чудо и я почувствовал с очевидностью какая динамика в proposal об intersession и как все, даже в борьбе против, передавалось.

В окончательном итоге было признано, что мы уже одно, и хотя отвергнуты немедленно практические шаги, но мы находимся

(*) Содружество св. Сергия и св. Агнии устраивало в Англии (и до сих пор устраивает) ежегодные съезды, на которых участвовали англикане, пресвитериане, католики и православные.

лись уже в состоянии *духовного intermissionion*. Я выпянул за уши подлинное значение этой идеи, которая была неосторожно выдвинута в полемике и на следующей конференции предложил богословское выяснение этого единства, частью уже это следовал своей речи. Кроме того, было выражено желание, чтобы на следующей конференции было особое моление с выражением терпимости о существующем разделении и подай пример особо составленной молитвы, читанной мною на вечерне... Так что, принципиально ворота открыты. Для меня это как «ныне отпущаши».

8 - VIII - 1936

Дорогой Лев Александрович, только что прочел присланный Вами очерк. Он для меня нов и интересен. Конечно, мне не следовало бы читать предварительно эти странички (в защиту богословия о. Сергия по-английски. В. З.), как меня и моего дедка касалось, и так сказать апробировать те слова любви ко мне, на которые можно отвечать только благодарной любовью, но не отсылая их для печати. Но, в то же время, я понимаю то громадное чувство ответственности Вашего изложения. Я благодарю Бога за Вашу верность не мне, а тому, что со мною связано — вот, что я могу сказать. Я нахожу Вашу работу превосходной в отношении к поставленной ею задаче, — открыть глаза иностранцам на смысл того, что в русской мысли сейчас происходит. И Вы делаете это с таким искусством, с таким даром простоты в изложениях (недаром я Вас считал всегда педагогом *par excellence*) и (конечно, я должен здесь отвлечься от того, что меня лично касается, это выше моей компетенции) с таким тактом, что я считаю Ваш очерк полезным вкладом в наше общее дело. Может быть он поможет и продвинуть в печатание английской софиологии.

...Вы подходите со стороны «Света Навечернего», а я теперь иду со стороны триаологии, но Вы об этом же и говорите. Подлинные места достойны и сильны. Между прочим, наша фактическая православная космология есть малограмотный томизм. Это дело, в связи с ходом своего преподавания, я фактически занимаюсь томизмом. Это очень *Sainte Arbeit*, но и очень поучительное как с точки зрения отрывательной, так сказать, софиологии и проблематики, так и сама по себе. И, насколько можно придать какое-либо богословское выражение среднему православному мировоззрению, это есть смесь... томизма с бартианством. Однако томизм имеет для себя право на существование хотя бы в силу

того колоссального груза мысли, который в него вложен и сверхъестественной универсальности его творца, а у нас... В сущности вообще некоторая средняя линия благочестивой мысли...

28 - VIII - 1936

Дорогой Л. А., послышал обратно Вашу статью. (*) Она мне очень по душе приглялась и вообще такого об экumenическом движении нигде не было написано, фактически практикуется или протестантствующий интерконфессионализм, или... цинизм (боюсь, среди православных больше). Вы же поставили вопрос искренно, смело и прямо. Посвящение (хотя оно тактически и противоположено) приемлемо с любовью, ибо вижу здесь действительно *sergicus per Leonem*, не в смысле заимствования (потому что я никогда такой статьи не задумывал), но общего вложения, в связи с Вашим личным, исключительным опытом. Конечно, будет вой. Но дерзайте убо, дерзайте, людие Божии.

Несколько словесных поправок, если позволите, большей частью по соображениям стилистическим...

Больше всего я возражаю против выражения «христороносец», корово и напоминает не только орденосеца или крестоносца, но и другие «носцы» (помните эпиграмму на Победоносцева?)... По-этому можно заменить: жизнь во Христе, обложение во Христа, явление лица Христа. Выбирайте сами, но, уверяю Вас, что христороношение или христорофория, которое Вам дорого по мысли, для глаза и уха трудно.

Любящий и благодарный о. Сергий

Следует сделать вставку на стр. 23 об оправославлении экumenического движения, что-либо вроде моего написанного; или напишите сами.

17-IV-1939 г., Л. А. Зандер был в клинике у о. Сергия, который карандашом написал на листке бумаги:

«Можешь ли дерзнуть? Нельзя, если Бог не дает.»

И далее описывает свои переживания:

(*) Об экumenизме.

«В 1925 г. я умираю, видел свет и тайну смерти, а здесь смерти не было, а была лишь тьма не-жизни, — Христово умирание с Ним: положила Мя в рове преисподнем, в тьме и сени смертной.

Всюю оставил, — вот что было.

Физически я был, конечно, на грани смерти, но не умираю, а только превозмогая полу-человеческие страдания, без откровения, и это было самое страшное и смертное. Конечно, смерть принесла бы свою радость и свой суд, но этого не было. Странная перебивка откровений: 1939 - 1925. В 1925 тебя здесь не было. Такие были бездны богооставленности, — так раскрывались эти стороны Христовой страсти. Пасхи у меня не было... Все это я говорю не чтобы утешить, но чтобы показать торжество. «Розового христианства» не признаю. Это я и хотел сказать тебе и всем кого люблю, как откровение.

Но как я всех любил там, даже до удивления. Помочь мне никто не мог (всюю оставил). А затем, конечно, это страшное испытание — немота. А твой образок со мной.

Я думаю: Какие бы нечеловеческие муки я испытывал, если бы был так отлучен от всего год назад, а теперь у меня мир и радость, как будто мне самому ничего не нужно... Как Наташа, мальчик? Благословляю всех. Что будет, не знаю, но отдало себя в руки Божии. Через 4-5 месяцев, вероятно, какой-то кусочек голода вернется, но хуже чем было не будет... Господь послал свой свет и радость такие, что большего не надо и столько любви, столько любви я вижу, в какой-то атмосфере любви живу...

от Л. А. Зандер (1939-й г.)

...«приходит успешнейшие известия, что все протекает нормально. Повсюду слышна молитва о Вас, повсюду виднись какое чувство любви Вас окружает.

Вам приятно будет узнать, что Митрополит окончательно дал согласие возглавить комитет по изданию Невесты Агнца. Согласие свое дал о. Сергий Четвериков — без колебаний и сомнений — сразу. При этом он сказал мне: «...нас соединяют с о. Сергием связи более глубокие, чем могущие быть богословские разногласия». И добавил, что если разногласия и есть богословского интереса и значительности, от этого Ваши труды не терпят; что он с величайшим интересом их читает...

*
**

от Л. А. Зандер

...Комитет составлен. В него вошли: Митрополит Евлогий, о. С. Четвериков, о. Кассиан, Fr. Curtis, м. Мария, Бердиев, Вейдле, Вышеславцев, Доббье-Вателлап, Вас. Вас. [Зеньковский], Карташев, Н. Зернов, Лаури, Лаговский, Мочульский, Пьянов, Руднев, Федоров, Андерсон, о. Панков. Подписанная этими именами составлена листовка. Андерсон обещал эту листовку напечатать. Книга может выйти к концу года...

...Какая радость будет Вам возвращение на горку преп. Сергия из места мучения и тоски.

*
**

Письмо отца Сергия из госпитали В. и Л. Зандер

Благодарю Господа моего милующего нас и спасающего. Благо мне, яко смирил мя еси.

Милые мои, любимые друзья и чада, каким светом в глубокой тьме были мысли о вас, когда они проникли в затемненное сознание. Какой радостью благодатной были мне твои письма, Лева, как свет с неба, мне давал Господь такие светлы. Какой опорой для меня в трудном моем положении является ваша верность и помощь. Какой лаской принимается твой, Валя, любовь и молитва.

Отдаю себя в руки Божии и уповаю на Него. Слава Всевышнему, слава!

1 - X - 1939

Дорогой Лева,

...Вынужденная разлученность, как это я знал и заранее, а на опыте узнаю теперь, есть одна из тяжких особенностей нашего положения при наличии летальных препятствий к переезду и медленности почтовых сношений. Но теперь ни на что жаловаться не приходится, всем послано испытание... Я живу в природе и это, конечно, много облегчает мое здесь сидение, вместе с доброй молитвенной атмосферой и преданностью моих близких друзей. Страдаю от безжизни, вернее начинаю страдать. Чтобы убивать время и, по несправимой привычке, пишу (*) и, конечно, думаю,

(*) В это время о. Сергий писал свою автобиографию и о софизматичности войны и кое-что давал нам на прочтение.

сверляще думая о происходящем, — *sit venia verbo*, — о софийной проблематике войны, ибо на попрание софиологии «нельзя нам отступать». Пишу, конечно, без всякой мысли о практическом употреблении. Просто думаю с пером в руках, чувствую даже и необходимость самому себе как-то ответить. Я думаю, что остался в этом все-таки самим собой. О завтрашнем дне своем прихожусь просто не думать. Такое время. В этом контексте я восприняла и твою дружескую заботу о поселении меня в Англии. Я не знаю, что будет через некоторое время в плане трехлетней войны, но пока теперь я решительно не могу принять этого плана. За него совершенно говорит только один, хотя и серьезный аргумент: именно библиотечный. Но для этого нужен именно *Mitfield* с его ужасным климатом и суровым режимом (я ведь его знаю). А между тем разлученность с семьей делает это пребывание невыносимым и оставляет библиотеку неиспользованной. Но, прежде всего, я нуждаюсь в медицинском уходе за горловой трубкой и, на некоторое время — просто не могу без этого физически существовать. Далее, я нуждаюсь в разного рода уходе, потому что остаюсь полубольным, в соответствии со stole (при катастрофическом сейчас и поныне, в соответствии с беззубий). Я не могу со своим вокальным се-ребряным аппаратом говорить по-английски вообще и с какой-нибудь надеждой на понимание в частности, и это создает очень удручающую психологию. Наконец, я не могу жить без церкви, а теперь я уже начинаю служить, даже литургию, что дает, — конечно не другим, но мне самому —, совершенно исключительную поддержку и радость. Везишвая все это, я остаюсь здесь на волю Божию. Очень меня заботит и волнуют всякие институтские дела и особенно судьба персонала... И тем не менее я испытываю большое удовлетворение от того, что Богословский институт не ликвидируется, пусть будет *exhaustion*, но не самоубийство...

**

16/29 - IX - 1942

Дорогие...

...Духовное же мое гурманство опять составил твой последний этюд, который я перечитал с большим признанием и даже воненением...

Ты вырази и мое собственное чувство, говоря, что Достоевский является скорее поводом для размышлений о ому (и оми-)

ушианстве, его собственная духовная зрелость не соответствует его гениальности...

...Несмеюва я читал с почтением и назиданием, но интимно не был с ним связан. Светлая жертва кьеркегорского рабства, он должен был молчать о самом для себя дорогом и существенном, об апокатастасисе, он был последователем св. Григория Нисского, то самое, до чего я «своим умом» дошел и теперь распростираюсь в Невесте Ангела без всяких *scriptures*. «Ходил птичка весело»... Достоевского я все-таки здорово забыл, а перечитывать некогда и, правду сказать, не нашел бы вдохновения, — читать так сплошь, как надо, чтобы быть *au courant*. Интересно тебе будет прочитать том К. В. Мочульского, но он задерживается печатанием. Прочтешь ночными думами нежной души Валиной. Она (душа) ведет с миром свой собственный разговор, а он с нею. А я умею только страдать, если не о всех и за все, конечно, то о многих и многом. Слава Богу!...

Радуюсь и люблюсь на твой, Лева, подъем творческих сил, в такой мере я его в тебе еще не наблюдал. Бог в помощь.

23-го октября Л. А. Зандер начал книгу об о. Сергии "Бог и мир".

22 - IX/5 - X - 1942

Дорогая Валя, сегодня получил твое письмо...

...Прежде всего, о житии преп. Серафима, которое я читал дважды с большим вниманием и умилением, так что и ночью и днем этим чтением в известном смысле бредил, таково было впечатление. Чувствуется, что ты вжилась в этот образ, а также и как поработала. Это относится к тому, как это сделано и что показано. Так можно и должно писать подобные вещи. Замечания же мои *ad hoc*, как я уже говорил Лева, от традиции: вне житейного обрамления выходит несколько фольклорно, ...но это, повторяю, не упреждает литературные и духовные достоинства твоей вещи. И кроме того, это необходимый опыт на очень трудном и важном пути,...

Приближается начало семестра... Я все-таки оставил за собой часть лекций и имею желание расширить свою долю участия в преподавании, насколько смогу. Очень тяжело это внутреннее бездействие, да и создает для меня ложное положение. Не надеюсь на этот дар Божий мне, — Агешу Князева. Передай Лева, что сегодня, уж в какой раз, снова утешался его лекциями, которые он приносит. Я вдруг с новой ясностью почувствовал, что этот

дар Божий — двойной: Алеша и Лева, и не только как подвижничающий над изучением и изложением моего богословия, но и как мой сотрудник в создании моей богословской, хотя и не школы, но питомника. Я с полной ясностью увидел во всем таком отчетливом уразумении тончайших богословских проблем и учений не только его лучшую восприимчивость к ним, но и работу Левина семинара обо мне, столь настойчивую и длительную, и проникся благодарением тому, кто вел этот семинар.

С любовью отец духовный о. Сергей

17 - V - 43

Дорогая Валя, спасибо тебе за память и за письмо.

«Жуткость» прозрачности я понимаю как катастрофическую неожиданность и насильственность приближения смерти, через ее угрозу в бомбардировках, после которых остается духовная травма. (*)

К сожалению, у меня нет точной памяти о былом и потому я не способен связать и нанизать его на одну нитку. Сам я этому пока биографически оставался чужд вследствие отсутствия опыта бомбардировок. А жуткость не ощущаю просто вследствие пережитой и переживаемой близости смерти в прошлом и настоящем. Но я держу взаперти такое личное чувство, мне как-то не до него. А что для меня важно, нужно и трудно, это найти и явить в себе «ей гряди», о чем, немотствуя, говорю в пасхальном слове. Творчество обрести есть самое трудное...

Благословляю обеих. Твой о. Сергей.

8 - VIII - 1934

Дорогой Лева,...

Здесь теперь нет, конечно, ни тишины, ни мира. Война вступает после отставки Муссолини и успехов русского оружия, кажется, в более решительную стадию, и приходится думать о недалеком уже конце войны со всей его трагикой и проблематикой.

(*) О. Сергей на этот раз не уловил моей мысли о "жуткой прозрачности", о которой я ему говорила перед отъездом. Это касалось не страха перед бомбардировками, а того духовного трепета, который ощущается во время погруженности в молитву, когда теряешь чувство земной действительности и своей собственной телесности и стоишь перед прозрачной бездной. Но слова о. Сергея о "ей, гряди" уже дали ответ на это.

Ты знаешь мое политическое настроение, но вчера я слышал советское «товарищеское» радио, которое меня взволновало; доколе, Господи? Конечно, это официальный жаргон, но он существует. А недавно видел книгу «Религия в России» Изд. Моск. Патриархии 1942 г.; это вариант на тему «православие и самодержавие, патриотически захлебывающиеся изъявления церковно-патриотических чувств иерархов, клира и мирян, причем в предисловии утверждается, что религия при советском режиме свободна, а преследования были лишь по политическим причинам. А при этом идиллические иллюстрации народного благочестия, архиерейских митр (которые и большевизм не пошибал), так что невольно спрашиваешь себя: что же ждет нас в русской церковности?

Я выехал на 3-4 дня в деревню, подышать, а главное — помолчать. По утрам — до изнеможения, но более короткое время чем ты, пишу Апокалипсис, с величайшим неудовлетворением собой; добрался до середины. Остальное время тяну...

Сегодня рукополагаем во диакона Мелиа. (*)

Алеша К. (**) с величайшей и трогательной исправностью приносит мне свои конспекты будущих лекций, в которых с безукоризненной точностью излагает мое богословие. Господь послал мне уста...

5/18 - II - 1944

Дорогая Валя,

...(твою статью) читаю, читаю все с большим увлечением и как бы откровением. Во первых, чисто художественным: в суконом изложении летописи (о преп. Серафиме В. З.) (***) и житийном стиле обезличиваются и гаснут духовные образы живых личностей, с их внешним обликом, голосом, характером, судьбой, у тебя же все они оживают. — Главное здесь особый дар твой — вчувствования, а потому и передачи этих образов в их собственной личной привлекательности и отличительности, так что хочется лишь одно сказать: как жаль, что так мало можно узнать о

(*) Ныне прот. Илья Мелиа — профессор пастырского богословия в Богословском Парижском Институте.

(**) Ныне прот. Алексей Князев, декан Парижского Богословского Института.

(***) Написанная на французском языке, книга В. А. Зандер о преп. Серафиме до сих пор не напечатана.

них, но на это умолчание есть, конечно, Высшая воля. Второе — это все растущее впечатление религиозной сказки или мифа, в самом, конечно, высшем смысле, в который перерастает у тебя житие, опять-таки в силу того же твоего дара вчувствования. Я не уверен, что оно распространится и на твоих французских читателей... и еще менее уверен, что это не потонет в русской благочестивой елейности...

Настоящее откровение, питающееся той духовной связью с преп. Серафимом, которая тебе дана и задана, как основной факт твоего собственного жизненного пути, а не сочинительство, которое мне всего труднее выносить. А в третьих, ...ты удивишься тому, что я скажу, — это, с моей стороны какое-то несколько недоумевающее прислушивание и всматривание в то пророческое явление, которое мы имеем в преп. Серафиме. Я жду конца, когда это разъяснится и откроется, как для тебя открыто, но я еще спрашиваю, — с благоговейным трепетом, но и как бы со стороны: что же все это означает? С одной стороны, эта грандиозность святости и молитвенного подвига, близости к Богу, а наряду с этим вся эта бытовая, а если хочешь, вместе и над-историческая, мифическая рамка всего этого явления, именно духовного явления, некоего в нем личного апокалипсиса, и вместе как-то вне Апокалипсиса... Надеюсь, что ты в дальнейшем дашь, если не ответ, то данные для ответа на этот вопрос, не преднамеренно, но самым делом. Но из этого ты можешь заключить, какова значительность того образа, который ты, своим пером, запечатлеваешь для мира.

Благословляю труд твой, да поможет тебе рассказать о себе сам таинственный молчальник.

Твой о. Сергей

В субботу 10 июня я ощутила как бы призыв о. Сергия и пыталась найти способ поехать в Париж, но ежедневные бомбардировки разбили железнодорожные пути и сообщение с Парижем прервалось.

В воскресенье я отправилась пешком из С-т Женевьев и, дойдя до разрытых от бомб дорогам до станции Жювизи, имела возможность попасть в случайный поезд. Приехав в Подворье и поднявшись к о. Сергию, я подошла к двери его комнаты. В это время дверь полуоткрылась и о. Сергий, лежавший до того без сознания, вдруг открыл глаза, увидел меня и поманил пальцем. Когда я подошла, он меня благословил, хотел что-то написать на бумаге, но опустил в бессилии руку и снова закрыл глаза.

В. А.

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ОТЦА СЕРГИЯ

(Запись очевидца)

Это было в субботу 10. 6. 1944 г. За пять дней перед тем, в ночь с Духова дня на вторник, с отцом Сергием случился удар. Первые два дня, вторник и среду, о. Сергий еще проявлял некоторые признаки сознания и узнавал кое-кого из окружающих. В четверг сознание стало угасать, а в течение последних тридцати часов, от утра пятницы до полудня субботы, о. Сергий находился в состоянии глубокого забытья, не открывал глаз, не глотал и только тихое дыхание свидетельствовало о том, что жизнь его еще не покинула. В эти дни, следовавшие за ударом о. Сергия, все мы (*), его окружавшие, с трепетом внимали тайне, открывавшейся там, в этом новом его бытии. Мы были перенесены в иной, дотоле нам неведомый план. Неподвижное тело о. Сергия, лежащее перед нами, было как бы мостом, соединявшим два мира — «этот» и «тот». И «тот» открывался нам в такой реальности, что «этот» начинал казаться призрачным. Земная жизнь о. Сергия так гармонично завершенная последней литургией Духова Дня, переходила в другую фазу, и нам надо было увидеть тот свет, который уготовал Господь любящим Его.

Уже тридцать часов о. Сергий не приходил в себя и не проявлял никаких признаков сознания. Духовное напряжение этих последних часов было так велико, что мы четверо, ухаживающие за о. Сергием, все вместе не отходили от него, чувствуя, что присутствуем при великом духовном торжестве и не имели силы оторваться, боясь что-то пропустить.

Было около часу дня. Лицо о. Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким неземным светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть. Ясно было, что душа о. Сергия, проходившая какие-то таинственные пути, в это мгновение приближалась к престолу Господню и была озарена светом его Славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление, но это мог быть миг и век — время для нас остановилось.

Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом Святым, при таком «реальном опыте святости», который трудно было вместить.

Прошло восемнадцать дней с момента этого светоносного явления, о. Сергей еще жив и душа его проходит какие-то божественные, ей назначенные, пути, а тело томится в своей земной скованности, но как ученикам Господа дано было увидеть славу преображения, для того, чтобы понять и принять Его дальнейший крестный путь и воскресение, так и нам дано было увидеть «прославление» о. Сергея для того, чтобы вместе с ним, в смирении и покорности, ждать часа его полного освобождения и слияния со Христом.

И верно, что уйдя ко Господу, о. Сергей нас не покинет, но умолит Бога открыть наши сердца для принятия Духа-Утешителя, дары которого так обильно на нем излились на наших глазах.

28 - VI - 1944
2 1/2 часа ночи,
у постели о. Сергея.

(*) Эти четверо были: Елена Николаевна Осоргина (сконч. в 1968 г.), мать Бландина (Оболенская), Юлия Николаевна Рейтлингер (сестра Иоанна), мать Феодосия, автор этой записки. Сходные записки были составлены и тремя первыми свидетельницами, но судьба этих записей нам не известна. (Ред.)

ИЗ НЕИЗДАННОГО

Философ

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

ТРАГЕДИЯ ФИЛОСОФИИ*)

От автора.

Работа, предлагаемая вниманию читателя, написана около пяти лет тому назад (1920-1921 г.) на юге России. Хотя по содержанию она является для меня некоторым подведением итогов в области философии, но в выполнении на ней лежит печать внешних условий (о которых можно было бы многое рассказать, если бы это было здесь уместно), и особенно отразилась недостаточность литературы. Тем не менее оставляю ее в первоначальном виде, с внешней лишь корректурой.

Внутренняя тема ее — общая и с более ранними моими работами (в частности «Свет Невечерний»), — о природе отношений между философией и религией или о религиозно-интуитивных основах всякого философствования. Эта связь, которая для меня и ранее неизменно намечалась в общих очертаниях, здесь раскрывается более конкретно, и история новейшей философии предстает в своем подлинном религиозном естестве, как христианская ересеология, а постольку и как трагедия мысли, не находящей для себя исхода.

Различаясь по материалу и форме, как относящаяся к другой исторической эпохе, настоящая работа в сущности посвящена тому же самому предмету, и примыкает к тому же роду, что и св. Ириней, еп. Лионского «Против Ересей», св. Афанасия Александрийского «Против Язычников» и под. Догмат христианский как не только критерий, но и мера истинности философских построений — таков имманентный суд над философией, которым она сама себя судит в своей истории и в свете которого, по слову Гегеля, die Weltgeschichte ist Weltgericht.

Прага. Март 1925 год.

Глава первая.

О ПРИРОДЕ МЫСЛИ

Существует естественная проблематика для философской мысли, вместе с неизбежными для нее апориями, из которых она выходит ценою тяжелых жертв, впадая в односторонность «отвлеченных начал», философской ереси (если под ересью *αἵρεσις*

*) Этот большой труд остался по-русски неизданным, после того как пражское Издательство Пламя не сочло возможным его напечатать «в связи с изменением плана».